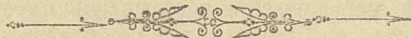

женія, солдаты немедленно сдѣлали первоначальную перевязку порядочно пострадавшему ефрейтору. Довольные побѣдою надъ страшнымъ звѣремъ нижніе чины, съ офицерами во главѣ, вернулись въ Илійскъ. Люди единогласно рѣшили поднести шкуру тигра — трофей охоты — командиру батальона.

Убитый тигръ, по мѣстному «джоль-барсъ», — громадный, вѣсомъ въ 15 пудовъ и длиною въ 4 аршина. Шерсть его темно-желтаго цвѣта съ поперечными черными полосами. 27-го января трупъ тигра съ торжествомъ привезенъ въ Вѣрный. Командиръ батальона, поблагодаривъ въ приказѣ молодцовъ-охотниковъ, приказалъ выдать имъ денежные награды, а изъ шкуры «джоль-барса» сдѣлать чучело и поставить въ канцеляріи батальона. Пострадавшій ефрейторъ Уфимцевъ привезенъ въ Вѣрный и отправленъ въ лазаретъ; у него 16 ранъ. Искусано лѣвое предплечье и испараны когти кисти обѣихъ рукъ. Раны не опасны, и раненый на пути къ полному выздоровленію. На охотѣ погнуто пять штыковъ, два штыка и цѣвья сломаны и погнутъ сильно одинъ стволъ. Въ тѣлѣ тигра найдено 7 пуль. По словамъ «Р. Л.», пули потеряли форму и видомъ похожи на тѣ, какія ежегодно вынимаются изъ стрѣльбищныхъ валовъ. Сердце звѣря проколото штыкомъ.

Изъ путевыхъ записокъ Д. А. Агреева-Славянскаго.

Извѣстный основатель пѣвческой капеллы Д. А. Агреевъ-Славянской печатаетъ въ настоящее время въ «Р. Сл.» свои интересныя записки о путешествіи по Средней Азіи. Беремъ его описаніе путешествія по Фергану.

«Утромъ 14-го апрѣля, пишетъ Славянской, небольшой дворикъ нашей убогой гостиницы въ Ташкентѣ, подъ скромнымъ названіемъ «Николаевскіе номера», былъ заставленъ четырьмя тарантасами и четырьмя же большими арбами на высокихъ колесахъ, покрытыми камышевыми цыновками. Еще въ 6 часовъ утра всѣ обитатели нашего, правильнѣе назвать, заѣзжаго дома съ шестью убогими компанками, въ которыхъ помѣщались я и часть моей капеллы, поднялись уже на ноги, хлопотали съ укладкою багажа и разныхъ мелкихъ вещей, сундучковъ, узловъ корзины и корзиночекъ разнаго рода. Всѣ суетились, бѣгали, спорили и всякому хотѣлось отвоевать себѣ получше мѣсто. Въ каждомъ тарантасѣ приходилось размѣстить трехъ взрослыхъ и двухъ мальчиковъ и, кромѣ того, на каждой арбѣ по нѣсколько человѣкъ и багажъ, котораго съ нами путешествуетъ до ста пудовъ. Азіатская арба на высокихъ двухъ колесахъ въ 1³/₄ аршина вышины отъ земли до оси, съ очень широкимъ ходомъ и слѣдствіи этого по валкая, запряжена въ одну лошадь, на которой сидитъ самъ погонщикъ или, какъ его здѣсь называютъ, «арбакашъ». На ней помѣщается обыкновенно до десяти туземцевъ, сидящихъ другъ противъ друга съ поджатыми

ногами, и она у туземцевъ играетъ роль нашихъ городскихъ ломовыхъ извозчиковъ и даже пускается въ путь на далекія разстоянія, замѣняя почтовую перекладную, такъ какъ можно условиться, чтобы арбы мѣнялись въ извѣстныхъ пунктахъ. Обыкновенная ѣзда на арбахъ шагомъ, «проходью», отъ 5—7 верстъ въ часъ. Оси у арбы деревянные, заколоченныя наглухо въ колеса, такъ что вращаются вмѣстѣ съ ними. Несмотря на свою видную тяжесть и громадность размѣровъ, она можетъ поднять до 40 пудовъ и легко двигается по здѣшнимъ первобытнымъ дорогамъ, а главное—очень удобна при переѣздахъ черезъ горныя рѣки, часто разливающіяся и чрезъ которые ни въ какомъ другомъ экипажѣ нельзя переправиться. Чтобы ускорить передвиженіе на арбахъ, можно ихъ, какъ я сказалъ выше, мѣнять, проѣхавъ 25—30 верстъ, въ кашлакахъ (селеніяхъ), гдѣ имѣются арбакеши, или-же это дѣлается заранѣе до отъѣзда изъ города, т. е. условливаются съ подрядчиками изъ туземцевъ, которые и передаютъ васъ во время всего пути и сами ведутъ расчеты съ каждымъ арбакешемъ, а съ васъ получаютъ условленную плату, половину въ день отъѣзда, а другую половину по доставкѣ на мѣсто. Иногда переѣзды на арбахъ совершаются скорѣе чѣмъ на почтовыхъ, такъ какъ здѣсь на станціяхъ всегда бываетъ недостатокъ въ лошадяхъ и, несмотря на то, что съ проведеніемъ желѣзной дороги до Самарканда все движеніе пассажировъ съ оренбургскаго тракта перешло на Ходжентъ и Джизанъ—все по прежнему остается тотъ-же первобытный комплектъ почтовыхъ лошадей—пять троекъ до Маргелана, а отъ Ходжента до Джизана всего по три тройки. Мнѣ рассказывалъ недавно одинъ полковникъ, что въ прошломъ году онъ съ женою ѣздили въ отъездъ, и проѣхавъ по Россіи 6,000 верстъ, когда обратно вернулся въ Самаркандъ и оттуда ему надо было ѣхать только 350 верстъ на лошадяхъ, онъ сказалъ: «ну, жена, мы сдѣлали съ тобою только половину дороги, а теперь намъ предстоитъ другая половина». И дѣйствительно, за неимѣніемъ лошадей ему приходилось сидѣть на станціяхъ по суткамъ и только въ 10 дней онъ доѣхалъ до мѣста назначенія. Многіе изъ родителей, которыхъ дѣти учатся въ Оренбургѣ или въ другихъ городахъ Европейской Россіи, жалуется на то-же замедленіе въ пути ихъ дѣтей, у которыхъ на дорогу пропадаетъ болѣе мѣсяца, такъ что дѣти проводятъ почти всѣ свои каникулы въ пути, вмѣсто отдыха и свиданія со своими родителями.

Въ восемь часовъ утра мы уже разсѣлись по своимъ экипажамъ и, простившись съ собравшимися проводить насъ добрыми знакомыми, тронулись въ путь на Ходжентъ, Коканъ до Маргелана. Поѣздъ нашъ былъ довольно большой, такъ какъ кромѣ нашихъ экипажей до первой станціи Чирчика, 10 верстъ, насъ сопровожали въ городскихъ экипажахъ и верхахъ нѣсколько человекъ пріятелей. Въ 40 верстахъ отъ Ташкента намъ предстояла довольно непріятная и даже весьма опасная переправа вбродъ черезъ разлившуюся горную рѣчку Ангренъ, которая своимъ быстрымъ теченіемъ и бурливостью не мало причинила бѣдъ въ нынѣшнемъ году проѣзжающимъ, такъ что были несчастные случаи, стоившіе нѣкоторымъ жизни

или потери всего багажа; при наиболѣе счастливыхъ обстоятельствахъ переправа оканчивалась только холодною ванною въ Ангренѣ. Намъ ожидали десять верховыхъ джигитовъ и нѣсколько арбъ, долженствовавшихъ, по распоряженію любезнаго начальства, принять всевозможныя мѣры къ оказанію намъ помощи при переправѣ. Подъ жгучими лучами солнца намъ пришлось перекладывать все вещи изъ нашихъ тарантасовъ на арбы и потомъ, по приставленной къ арбѣ лѣсенкѣ по очереди взобраться на нее, и съ вѣрою въ милосердіе Всевышняго, съ крутого обрывистаго берега, ухнуть въ кипящій потокъ воды. Два джигита сопровождали каждую арбу и, привязавъ арканы къ лошади арбакеша, поддерживали ее, чтобы не дать потоку сбить животное съ ногъ и увлечь съ теченіемъ, что не рѣдко случается. Быстрота воды такъ сильна, что, глядя на нее, кажется, что лошадь и арбу несетъ противъ теченія и въ то-же время чувствуется сильное круженіе головы. Приходится закрывать глаза, сердце усиленно бьется и нападаетъ не то что страхъ, а какой-то ужасъ... Арба наклоняется въ сторону, вы вздрагиваете, открываете глаза и кажется, что лошадь ваша и лошади проводниковъ вашихъ потонули: видны только однѣ ихъ головы и половина фигуръ джигитовъ и арбакеша. Вода несется подъ вашими сидѣньями, ваши ноги въ водѣ... Ну, конецъ насталь... вотъ, вотъ... Но арба выпрямилась и вмѣстѣ съ лошадыю вынырнула изъ воды. Джигиты тащатъ арканами выбившуюся изъ силъ лошадь и теченіе воды уже не такое сильное. Вотъ и выбрались вы на островокъ изъ мелкаго рѣчнаго камня, который нанесло быстрымъ теченіемъ и который точно также черезъ полчаса или часъ снова исчезнетъ.

Вообще, теченіе этихъ своевольно-капризныхъ горныхъ рѣчекъ очень часто мѣняется и обязанность джигитовъ, постоянно живущихъ на обоихъ берегахъ рѣки — по нѣскольку разъ въ день изслѣдовать глубину и отыскивать болѣе мелкія мѣста и болѣе удобные проѣзды для экипажей. Слава Богу! невольно вырывается изъ груди. Арба остановилась, надо дать отдохнуть лошадямъ. Вы оглядываетесь назадъ и — о, ужасъ! — видите, какъ несетъ слѣдующую за вами другую арбу... вотъ-вотъ она потонетъ... Кровь застываетъ въ жилахъ, но арба, также какъ и ваша, вынырнула изъ воды... Постоявъ нѣсколько минутъ, вы снова отправляетесь въ путь, но ваши мученія еще не кончились, вамъ предстоитъ еще пять разъ или болѣе переѣзжать хотя и съ меньшею опасностью и по менѣе широкимъ разливамъ воды. Первая опасность миновала и вы уже смѣлѣе и спокойнѣе совершаете остальные переправы, хотя на послѣднемъ переѣздѣ сидѣвшій съ вами на арбѣ джигитъ-переводчикъ указываетъ вамъ сторону и вы видите въ водѣ перевернувшійся затонувшій экипажъ и узнаете отъ вашего переводчика, что два три дня тому назадъ повозку перевернуло вмѣстѣ съ сидѣвшимъ въ ней проѣзжающимъ, который какимъ-то чудомъ успѣлъ спастись, вкочивъ на пристяжную и обрѣзавъ постромки, коренникъ-же и другая лошадь потонули, а багажъ весь ушелъ съ теченіемъ и его не могли спасти, такъ какъ спасали плываго вмѣстѣ съ нимъ ящика, давъ предпочтеніе, конечно, жизни человѣка, чѣмъ чемодану, въ которомъ находилось

6,000 руб. денегъ. Апрекъ разливается на нѣсколько верстъ и намъ пришлось провозиться на переправѣ болѣе трехъ часовъ. Тарантасы наши перебирались вилавъ и пришли къ намъ наполненные водой, которую надо было выливать, опрокидывая ихъ на бокъ. Перемоченный нашъ багажъ пришлось укладывать въ сырые тарантасы и самимъ, подмоченнымъ снизу, обожженнымъ палящимъ солнцемъ сверху, набравшимся всевозможныхъ страховъ и ужасовъ, наконецъ, удалось подъ вечеръ уже сѣсть и тронуться дальше. Оглянувшись назадъ, я остановилъ свои взоры на чудной картинѣ: крутые берега рѣки, обрывистые, обмытые водою, казались какою-то стѣною крѣпости, ровно таянущаяся на далекое пространство. Солнце опускалось къ горизонту и разливало всюду свой лилово-яркій свѣтъ. На поверхности рѣки, которая быстро мѣняла свой цвѣтъ, отражались лучи солнца и представляли ее какъ бы усыпанною разноцвѣтными камнями, отъ которыхъ неслись блестящія лучи, переходя изъ одного цвѣта въ другой. Черезъ рѣку двигались сидеты верблюдовъ, то погружаясь въ воду, то снова показываясь во весь ростъ. Крики погонщиковъ, заунывный, раздражающій душу ревъ верблюдовъ, которыхъ погонщики безжалостно били и дергали за веревку, прохѣтную вмѣстѣ съ деревяннымъ кольшкомъ въ ноздри животного, заставляя его лѣзть въ воду, шумъ воды, веселый говоръ моихъ спутниковъ и рассказы ихъ о миновавшихъ опасностяхъ, звонъ колокольчиковъ нашихъ ямскихъ троекъ — все это сливалось въ одинъ необыкновенный шумъ и изображало такую-же необыкновенную, невиданную доселѣ картину. А передъ нами тянулася необятная степь, упирався въ высоко поднимающіяся ледяныя горы, вершины которыхъ рѣдѣли пурпурно-лиловою краскою и были еще всѣ залиты послѣдними лучами заходящаго солнца. Проездъ нашъ весело двинулся впередъ, забывая только-что миновавшую опасность. Ночь была холодная, какъ это обыкновенно бываетъ здѣсь, особенно весною. Отъ жары до 40° на солнцѣ днемъ температура ночью падаетъ очень быстро на 15 и даже 6 градусовъ. Бѣда путнику, не запасшемуся теплымъ платьемъ; его ожидаетъ неминуемая здѣшняя лихорадка, пароксизмы которой въ два три раза убиваютъ человѣка.

Въ Ходжентъ мы добрались утромъ благополучно. Городъ этотъ, бывшая крѣпость, которая была ваята генераломъ Романовскимъ въ 1866 году, лежитъ на лѣвомъ берегу Сырь-Дарьи, чрезъ которую перекинутъ деревянный мостъ, и утопаетъ положительно въ зелени. Подъѣзжая къ городу, не видно почти никакихъ строеній, и только по берегу рѣки тянется одноэтажное зданіе казармъ, да виднѣются вдали куполы небольшой красивенькой архитектуры русской церкви, фономъ которой служитъ невысокое возвышеніе, оставшееся отъ разоренной крѣпости. Дорога отъ послѣдней станціи Мурзарабатъ къ Ходженту пролегаетъ по каменистому грунту среди безчисленныхъ конусообразныхъ, не особенно высокихъ, горъ, вѣроятно, потухшихъ вулкановъ, усыпанныхъ небольшими глыбами и обломками каменьева, какъ-бы нарочно разбитыхъ на мелкіе кусочки. Около Ходжента горы эти принимаютъ уже другой характеръ и тянутся хребтомъ по правому берегу Сырь-Дарьи, входя въ составъ общаго хребта, опоясывающаго

всю Ферганскую область и питающего своими обильными водами плодородныя земли этой роскошной долины.

Изъ Ходжента до Коканда дорога пролегаетъ большею частью по каменистому грунту степи, усыпанной мелкимъ щебнемъ (щебневая пустыня). Хотя можно-бы было ѣхать непрерывно тянущимися кышлаками (деревьями), но дорога въ кышлакахъ очень узкая, затруднительная для встрѣчъ и во время грязи непроѣздная. Можно предполагать, что вся щебневая пустыня находилась когда-то подъ водою, такъ какъ между камнями находятъ много ракушекъ и нѣкоторые виды окаменѣлыхъ морскихъ растений. Тоже мнѣніе можетъ поддержать и множество разбросанныхъ солончаковыхъ болотъ и большія пространства земли, покрытыя бѣлымъ слоемъ испарившейся соли, что придаетъ полямъ необыкновенный видъ снѣга среди роскошной зелени подъ згучими лучами солнца.

Вся Ферганская область представляетъ изъ себя огромную долину мидалевидной формы, длиною въ 250, а шириною въ 100 верстъ, чрезвычайно хлѣбородную, орошаемую массою воды изъ рѣки Сыръ-Дарья, которая течетъ съ горъ, вѣчно покрытыхъ снѣгомъ, и тянется по Ферганѣ на 300 верстъ. Вытекая изъ горъ двумя ручьями, Сыръ-Дарья образуетъ сперва рѣку подъ названіемъ Аякъ, потомъ, встрѣчаясь съ рѣкою Тарагай, принимаетъ имя этой рѣки и, сливаясь съ Кара-Сой, называется р. Большимъ Нарыномъ. Пройди-же черезъ разсѣлины скаль Чичикты, въ сѣверной части ферганскаго хребта, она вступаетъ въ ферганскую долину и, принявъ рѣку Кара-Дарью, называется уже вплоть до своего устья—Сыръ-Дарьею, становится очень многоводною и, за исключеніемъ 15 верстъ Беговатскихъ пороговъ, въ 25 верстахъ отъ Ходжента, можетъ быть судоходною рѣкою; въ предѣлахъ края она пробѣгаетъ до 1.700 верстъ. Сыръ-Дарья между Чиназомъ и Перовскомъ доходитъ въ ширину отъ 120 до 250 сажень, а глубиною отъ 3—5 сажень; быстрота теченія до 7 верстъ въ часъ. Поговариваютъ объ устройствѣ правильного пароходнаго сообщенія между Наманганомъ и Ходжентомъ, въ которомъ будетъ станція желѣзной дороги, о чемъ хлопочутъ представители нашихъ большихъ торговыхъ фирмъ, заинтересованные хлопковымъ дѣломъ, которое здѣсь развивается не по днямъ, а по часамъ. Чтобы наглядно судить объ этомъ баснословномъ развитіи хлопководства въ Ферганѣ, достаточно привести нѣсколько цифръ, продиктованныхъ мнѣ однимъ компетентнымъ лицомъ. Именно: въ 1887 г., производство хлопка съ сѣменами доходило до 35,000 пудовъ, въ 1889 г. оно было до 1.900,000 пудовъ съ сѣменами, а 1891 г. — 6.000,000 пуд. съ сѣменами-же. О выгодности разведенія хлопковыхъ плантацій можно судить по словамъ того-же лица, которое передало мнѣ, что въ панской волости валовой доходъ съ десятины доходитъ до 480 руб. при расходѣ на обработку десятины 80—100 руб. и менѣе. По обратной пословицѣ: нѣтъ добра безъ худа, оказывается въ настоящее время, что прежнія клеверныя поля всѣ обрабатываются подъ хлопокъ, а клеверъ вздорожалъ до тоже баснословной цѣны—90 коп. за пудъ и получается изъ мѣстностей, расположенныхъ у подножія горъ на возвышенныхъ пло-

скостяхъ, гдѣ болѣе суровый климатъ не благопріятенъ для хлопководства. Виноградъ и шелководство, составляютъ тоже важную отрасль доходности Ферганы и даютъ большія выгоды занимающимся этимъ очень выгоднымъ дѣломъ, хотя находятся въ примитивномъ состояніи.

Мы двигались тремя партіями, по два тарантаса вмѣстѣ, съ промежуткомъ въ 12 часовъ, чтобы дать время обратнымъ лошадямъ отдохнуть и покормиться. Бѣдныя, небольшія, заморенныя киргизскія лошаденки тащили насъ небольшою рысью, дѣлая не болѣе 8-ми верстъ въ часъ. По лѣвой сторонѣ дороги тянулись поля, обезжизненные деревьями, и сады, принадлежащіе расположеннымъ тутъ-же кишлакамъ, почти непрерывно слѣдующимъ одинъ за другимъ, съ огромнымъ сартовскимъ населеніемъ. По правую сторону дороги, тамъ, гдѣ не было каменныхъ степей, зеленѣлись густою травою, а мѣстами были сплошь покрыты ярко-красными цвѣтами мака или какими-то синими цвѣтками огромныя пространства не орошенной земли и казались такимъ-же огромнымъ разноцвѣтнымъ ковромъ, раскинутымъ у подножія высокыхъ горъ съ бѣлоснѣжными вершинами. Одна картина смѣняетъ другую, одна картина грандіознѣе другой, и невольно дивишься, что до сихъ поръ не явилось сюда ни единого русскаго художника, который-бы воспроизвелъ на полотнѣ все то, что поражаетъ путника... А прозрачность воздуха, а горячіе тоны, а краски, которыя заливаютъ горы при заходѣ солнца, а цвѣтъ неба?... Вѣдь это все такіе поразительные эффекты, которыми можеть вполне воспользоваться художникъ, да еще какъ воспользоваться-то! Сюжетовъ для картинъ тоже масса, одинъ оригинальнѣе другого, одинъ свѣжее другого. Что-же думаетъ наша академія искусствъ? Неужели только и есть хорошаго, что въ Европѣ, что все исчерпано и пережевано? Когда-же мы будемъ дорожить своимъ и искать у себя хорошаго, а не передразнивать только иностранцевъ? Величайшая заслуга — стараться познать себя, сказала одинъ философъ... Своеобразная, оригинальная здѣшняя музыка тоже ожидаетъ и отъ нашихъ консерваторій мастеровъ-художниковъ.

(Продолженіе слѣдетъ).

онъ ограничился тѣмъ, что отвѣтилъ ей глубокимъ безмолвнымъ поклономъ, предоставивъ зрителямъ истолковывать по своему усмотрѣнію это весьма двусмысленное выраженіе того, что онъ думаетъ!

Ея величество назвала 80-ти пушечный корабль «Іосифомъ II». Затѣмъ въ галлерей она допустила къ своей рукѣ начальниковъ адмиралтейства и строителя, которому сѣдуетъ съ каждой пушки по три рубля, которые ему и были вручены на серебрянномъ блюдѣ. Строитель русскій и никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества, но, повидимому, онъ хорошо знаетъ свое дѣло, потому что знатоки говорятъ, что корабли эти очень хорошо соору-жены.

Императрица воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько повышеній по службѣ и оказать различныя милости военнымъ. По окончаніи церемоніи она сѣла въ лодку, чтобъ обѣхать гавань и вернулась тѣмъ-же порядкомъ, предшествуемая своими камергерами. До обѣда было собраніе, и государыня и графъ Фалькенштейнъ опять бѣсѣдовали со всѣми присутствовавшими. Около 2 часовъ былъ обѣдъ на сто кувертовъ, та же музыка, а вечеромъ происходило собраніе до 8 часовъ. Послѣ этого всѣ свободны отправляться, куда кому хочется. Обыкновенно заходятъ къ князю Потемкину, гдѣ иногда и ужинаютъ.

Изъ путевыхъ записокъ Д. А. Агренева-Славянскаго.

(Окончаніе).

Небывалые и продолжительные дожди въ настоящую весну, постоянныя облака, закрывающія палящее солнце, охлаждають и понижаютъ температуру: нѣтъ пыли, нѣтъ того зноя, которые дѣлаютъ путешествіе на лошадахъ въ Азіи невыносимымъ. На станціи Кастанозъ ламъ отказали въ лошадахъ и пришлось просидѣть нѣсколько часовъ, занимаясь чаепитіемъ, такъ какъ достать чего-нибудь сѣдобнаго вообще на здѣшнихъ станціяхъ нельзя ни за какія деньги. Въ первой комнатѣ станціи за чайнымъ столомъ сидѣли два молодыхъ офицера. Они меня тотчасъ-же узнали и пригласили на стаканъ чая. Разговоръ завязался очень оживленный; каждый изъ нихъ заявилъ мнѣ, что бывалъ по нѣсколько разъ въ мѣсахъ концертахъ въ разныхъ городахъ Россіи, что знаютъ меня еще съ самыхъ юныхъ лѣтъ; одинъ слышалъ меня въ иековскомъ корпусѣ, другой—когда учился въ медицинской академіи въ Петербургѣ.

— Да, вотъ куда забросила меня судьба, сказалъ докторъ, поправляя свои золотыя очки.—Вожусь третій мѣсяць съ ватагой не то солдатъ, не то какихъ-то дикихъ людей, боюсь сказать — разбѣйниковъ. Къ дисциплинѣ не приучены, потому что какъ взяли ихъ на службу, такъ и послали въ

путь. Не слушаются, пьютъ гдѣ попало и какую попало воду... Развился страшный кровавый поносъ среди нихъ, а помочь нечѣмъ. Есть кое-какія пустыя средства, да и то въ ограниченномъ видѣ, а главное негдѣ держать больныхъ: валяются на сырой землѣ и часто подъ открытымъ небомъ, да еще подъ дождемъ. Хотѣлъ было признать болѣзнь эпидемическою, да сообщить начальству объ этомъ, но подожду еще немного.

— Сколько же человѣкъ составляютъ партію и откуда они? спросилъ я.

— Всего болѣе 500 человѣкъ будетъ, вмѣшался въ разговоръ офицеръ, начальникъ партіи. Всѣ новобранцы изъ сѣверныхъ губерній: пермской, вятской; есть и воронежскіе. Народъ молодой, еще недоразвитый, не привыкъ ни къ походной пищѣ, ни къ здѣшнему климату. А главная наша бѣда заключается въ томъ, что идемъ мы здѣсь степями и не имѣемъ войлочныхъ кибитокъ или какихъ-либо палатокъ, никакого другаго крытаго помѣщенія, и приходится спать на землѣ, какъ попало, да какъ нарочно дожди льютъ безпрестанно, да какіе дожди-то — ливни! Всѣхъ до костей промочетъ. На бѣду, нѣтъ дровъ или прутьевъ какихъ нибудь, чтобы развести костры и обогрѣться людямъ. Жаль смотрѣть на нихъ, да ничего не подѣлаешь. Уѣздные начальники и пристава — нуль вниманія и никакой намъ помощи не оказываютъ. А вѣдь имъ были присланы за нѣсколько мѣсяцевъ точные маршруты отъ начальства; они знали дни, въ которые мы должны быть тамъ-то и тамъ-то, и ничего не приготовили для новобранцевъ. Вотъ, напримѣръ, въ Ходжентѣ, что было съ нами. Пришли мы къ вечеру на ночевку. Ну слава Богу, городъ значится у меня въ маршрутѣ, авось обогрѣемся и обсушимся. «Подбодрись, ребята, говорю я уставшимъ, еле плетущимся новобранцамъ, придемъ сегодня въ городъ — отдохнемъ». Пришли. Никто насъ не встрѣтилъ. Куда вести команду, гдѣ намъ отведено помѣщеніе — х спросить не у кого. Кого ни встрѣчу, спрошу — или молчить, вылуца на меня свои глаза, или проходятъ безъ отвѣта, не понимаютъ, значить, по-русски. Подулъ вдругъ сильный вѣтеръ, набѣжали тучи и сталъ наврашивать дождикъ. Худо, подумалъ я, и побѣжалъ по телеграфнымъ столбамъ отыскивать телеграфную контору, оттуда на почтовую станцію просить указать жилище начальника уѣзда. Около станціи случайно попался извозчикъ въ своеобразномъ экипажѣ, что-то въ родѣ линейки на тарантасномъ ходу, запряженной двумя лошадьми. Болѣе часа ѣздилъ я изъ дома въ домъ, отыскивая начальство, наконецъ, попалъ на какой-то заводъ. Хозяинъ завода, французъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сейчасъ-же предложилъ большое свободное помѣщеніе, приказалъ его очистить и пригласилъ меня размѣстить мою команду. Дождь лилъ изрядно, и я, не успѣвъ даже поблагодарить любезнаго иностранца, впрочемъ, принадлежащаго къ дружелюбной Россіи націи, бросился къ командѣ, чтобы скорѣе укрыть ее отъ дождя. Хозяинъ самъ помогалъ мнѣ размѣстить всѣхъ, далъ намъ войлоки, сѣна, разной посуды для ѣды и питья чая, — однимъ словомъ, оказалъ намъ полное гостепримство. Когда уже все было устроено, всѣ размѣщены,

явилось начальство и.. Да что и говорить! Досадно и больно, что такъ все у насъ халатно дѣлается! Я пишу свой дневникъ и хочу со временемъ обо всемъ доложить начальству. Тамъ, что изъ этого выйдетъ — не знаю, но вѣдь такъ невозможно: молодежь, прямо оторванная отъ семьи, непривыкшая къ такимъ далекимъ передвиженіямъ, безъ крова, безъ защиты отъ палящихъ лучей солнца, отъ дождя или ночного холода..

— Ваше благородіе, вскричалъ вбѣжавшій молодой солдатикъ съ нашивками на погонахъ: — сейчасъ свалился въ воду нашъ паренекъ..

Офицеръ поблѣднѣлъ и, быстро вскочивъ съ дивана, безъ фуражки, бросился опрометью изъ комнаты.

Докторъ сидѣлъ задумавшись и неподвижно. Видно было, что подобныя сюрпризы ему не новость и онъ привыкъ къ нимъ относиться болѣе хладнокровно, тѣмъ болѣе, что и вся отвѣтственность лежала только на офицерѣ, командирѣ партіи.

— Пойдемте, докторъ, сказалъ я: — посмотримъ, что случилось, и можетъ быть понадобится и ваша помощь.

Докторъ молча взялъ свою фуражку, поправилъ свои очки и пошелъ за мною.

Станція была расположена на невысокомъ, обрывистомъ берегу рѣки Сыръ-Дарья, мутныя воды которой быстро неслись, ударяясь о песчано-глинистый берегъ и унося съ собою частички земли, которая часто отламывалась большими кусками и, вертясь въ безчисленныхъ небольшихъ водоворотахъ, образуемыхъ слишкомъ быстрымъ теченіемъ, разсыпалась и расплывалась по поверхности, образуя за собою пѣнистый бѣловатый слѣдъ. За стѣною станціи были расположены арбы съ вещами, сундуками, узлами новобранцевъ, съ запасами провизіи. Около каждой арбы стояла распряженная лошадь и аппетитно ѣла свой кормъ, отмахиваясь усердно хвостомъ отъ надобѣдающихъ ей мухъ, комаровъ и мошекъ. Подъ нѣкоторыми арбами новобранцы устроили себѣ импровизированное помѣщеніе. По берегу рѣки расположилась большая часть партіи въ самыхъ разнообразныхъ группахъ: кто спалъ, кто сидѣлъ и чинилъ свое платье; большая-же часть стояла на самомъ берегу, окруживъ только что вытасченного изъ воды новобранца, отдѣлавшагося легкимъ испугомъ да холодною ванною. Бѣдняжка хотѣлъ зачерпнуть въ ведро воды и слишкомъ близко подошелъ къ краю берега, не рассчитывая на то, что грунтъ здѣсь очень мягкій, разсыпчатый, не могъ выдержать тяжести его тѣла и рухнулъ вмѣстѣ съ нимъ въ потокъ шипящаго Сыра. Къ счастью, солдатики замѣтили исчезновеніе своего товарища и бросили ему конецъ веревки.

— Напугалъ, окаланный, сказалъ подошедшій къ намъ офицеръ. — Вѣдь за все отвѣчаю одинъ я, а помощники-то мои тоже молодежь-солдаты, прослужившіе одинъ, два года. Все народъ неопытный, не бывалый. Вотъ видите, какъ мы бѣдствуемъ? Ну, какой тутъ отдыхъ? Солнце печетъ, нѣтъ тѣни и вода точно нашъ квасъ россійскій подъ нѣмецкимъ названіемъ — «баварскій». Чудное дѣло, право! Мы даже чисто-русскій напитокъ, кровно-русскій ухитрились окрестить нѣмецкимъ именемъ. Вѣдь вотъ

и здѣсь никто почти изъ туземцевъ не хочетъ говорить по-русски, и посмотрите, что русскіе непременно начнутъ скорѣе сами говорить по туземному, въ родѣ того, какъ въ Польшѣ и въ Остзейскомъ краѣ гдѣ всѣ говорятъ непременно по-польски и по-нѣмецки, а въ нѣкоторыхъ русскіихъ семьяхъ дѣти даже вовсе не знаютъ русскаго, своего роднаго языка. Я прослужилъ въ Царствѣ Польскомъ около десяти лѣтъ, убилъ свою молодость тамъ, со школьной скамейки прямо попалъ въ руки жидовъ и проклятыхъ паненокъ... еще хорошо, что счастливо отдѣлался, а посмотрите — другіе мои товарищи: поженились на полькахъ, ополчились, такъ сказать, со всѣмъ; дѣти говорятъ только по-польски и хотя крещены по нашей православной вѣрѣ, но матери ихъ водятъ въ костелы. Такъ погибаетъ большая часть нашихъ офицеровъ. Это можетъ быть и желательно подпольной интригѣ...

Лицо офицера, еще молодое, но уже морщинистое, какъ-то не то злобно, не то иронически скривилось; волосы на головѣ его были почти сѣдые, несмотря на его 28 лѣтъ отъ рожденія; вся его фигура казалась болѣе старческою, чѣмъ молодую, но зато его чудные каріе глаза горѣли какимъ-то глумимъ огнемъ, и сверкали подобно блеску молніи, когда онъ воодушевлялся и горячо рассказывалъ что-нибудь... — Да, прибавилъ онъ: — такъ гибнетъ наша лучшая молодежь въ этой поганой ямѣ...

Мы вошли въ комнату. Здѣсь станціи построены почти всѣ на одинъ ладъ изъ необожженнаго кирпича или прямо изъ глины, какъ и всѣ здѣшнія туземныя постройки, съ земляными крышами, которыя во время дождей пропускаютъ какъ черезъ рѣшето воду, полы, лавки и иногда даже столы каменные, выбѣлено все внутри и снаружи извѣстью. Двѣ комнаты для проживающихъ и одна для старосты. Во второй комнатѣ сидѣла моя дочь съ пѣвицами и всѣ хлопотали объ обѣдѣ, всѣ страшно проголодались. Къ тому же и часъ былъ обѣденный, да и староста намъ объявилъ, что ранѣе, какъ черезъ три часа, лошадей намъ не будетъ. Всѣ были заняты: кто возился съ самоваромъ, кто варилъ кофе, жарилъ яичницу на спирту и т. п. Веселый говоръ, смѣхъ, шумъ, толкотня, несмотря на общую усталость и утомленіе отъ безсонной ночи и жары. Вдругъ раздался общій крикъ ужаса и страха, всѣ заговорили за одинъ разъ, или, вѣрнѣе сказать — всѣ кричали: держи и раздави! — Нѣтъ, возьми его бумажкой! придави палочкой! — Нѣтъ не смѣй трогать, укусить и ты умрешь!.. Оказалось, что мальчуганъ-пѣвчій подѣ шумокъ въ углу комнаты открылъ присутствіе скорпіона и непременно хотѣлъ его взять живаго. Это уже не впервые, что мальчики мои ловили фалангъ, скорпіоновъ, жуковъ и почти каждый изъ нихъ имѣлъ въ спичечной коробочкѣ какого-нибудь узника и везъ съ собою домой показать своимъ родственникамъ; и этотъ скорпіонъ былъ пойманъ и тоже заключенъ въ коробочку. Здѣсь скорпіоны и фаланги не рѣдкость, жители къ нимъ уже привыкли и укушеніе ихъ хотя и не смертельно, но ужасно мучительно. На крикъ и шумъ пришелъ староста, — здѣсь на станціяхъ нѣтъ смотрителей, а только старосты. Онъ руководилъ ловлею скорпіона и рассказалъ намъ, что его однажды укусилъ скорпіонъ. Онъ хотѣлъ дать

лошадямъ сѣна и только что запустилъ руки въ лежавшую на дворѣ кучу сѣна, какъ почувствовалъ такую страшную боль, «что свѣта не взвидѣлъ», какъ выразился онъ. «Боль такая сильная, какъ-будто меня жгли раскаленнымъ желѣзомъ, въ глазахъ потемнѣло, я безъ памяти началъ бѣгать по двору и кричать о помощи. Тотчасъ мнѣ приложили тряпочку съ нашатырнымъ спиртомъ и не ранѣе какъ черезъ полчаса боль начала утихать; все-же я страдалъ ужасно. Недавно одинъ проѣзжающій говорилъ мнѣ, что въ Индіи извѣстно самое вѣрное средство противъ укушенія скорпіона, моментально уничтожающее боль—это надо поймать комнатную муху, раздавить ее на мѣстѣ укуса и приложить къ ранкѣ, такъ дѣлать нѣсколько разъ, и все кончено, безъ всякихъ послѣдствій. Вотъ фаланги тоже кусаются, да не такъ сильны страданія отъ ихъ укушенія; хотя является оухоль и жаръ въ тѣлѣ, но скоро проходятъ. Также прикладываютъ нашатырь или деревянное масло. А вотъ есть у насъ, только, къ счастью, здѣсь рѣдко попадается, а больше въ горахъ, черный паукъ «каракуртъ», вотъ ужъ если этотъ пріятель укуситъ, то смерть неизбежна, да скверно то, что не сразу умираетъ человѣкъ, а начинаетъ болѣть, сохнуть, ну, словомъ сказать, таетъ человѣкъ, мучается, а помочь нечѣмъ. Тамъ, говорятъ, есть и по сейчасъ въ Омѣ, или гдѣ-то въ той сторонѣ около горъ, офицеръ одинъ, который восемь лѣтъ страдаетъ отъ укушенія и ничѣмъ не можетъ облегчить свои страданія»... Остальные часы мы провели очень весело въ разныхъ приготовленіяхъ и угощеніяхъ; офицеръ и докторъ присоединились къ нашей компаніи, нашлись общіе знакомые въ Россіи, разные воспоминанія переносили насъ то въ одну мѣстность, то въ другую нашей родины и припомнились слова нашего поэта, что вдали отъ родины «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Оказалось, что въ 4-хъ верстахъ отъ станціи есть большой кишлакъ съ базаромъ. Нашелся сартъ на станціи, который умѣетъ готовить «палау» (палавъ изъ риса и баранины); мы откомандировали его за мясомъ и рисомъ и приказали поскорѣе вернуться и приготовить это любимое здѣсь кушанье. Сартъ этотъ принадлежалъ къ депутаціи, которая, въ составѣ волостнаго старшины, одѣтаго въ новый халатъ и въ бѣлой чалмѣ и еще другихъ пяти сартовъ, тоже, вѣроятно, чиновныхъ особъ, ожидала на станціи пріѣзда новаго начальника уѣзда. Бѣдняги безъ корма лошадямъ и безъ ѣды для себя сидѣли нѣсколько дней на короткахъ около станціи въ ожиданіи начальства. Здѣсь уѣздный начальникъ—великая птица, власть огромная, и когда онъ ѣдетъ по городу, всѣ сарты встаютъ, выстраиваются въ рядъ и, положивъ руки на животъ, кланяются, не сгибая головы, подобострастно поглядывая на начальство. Если встрѣчается ему кто верхомъ или на арбахъ—долженъ слѣзть и, ставъ тоже въ рядъ, также раскланиваться. Черезъ двѣ станціи насъ ожидала опять задержка. Это было уже часовъ въ 11 ночи. Подѣхали къ станціи, около которой стоялъ большой тарантасъ, съ привязанными наверху, по бокамъ и сзади сундуками, сундучками, корзиночками, даже люлька или дѣтская маленькая кроватка виднѣлась въ числѣ массы вещей. Староста объявилъ намъ, что какой-то чиновничекъ ѣдетъ

на службу въ Маргеланъ съ семействомъ по казенной подорожной и что онъ остановился на ночлегъ, приказавъ къ пяти часамъ утра приготовить самоваръ и лошадей; что есть у него всего три тройки, одна подъ почту, которая пойдетъ утромъ, другая подъ его благородіе, а если угодно, третью онъ дастъ намъ. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ и намъ не хотѣлось развѣдываться: рѣшили и мы ночевать.

Въ задней комнатѣ помѣщался его благородіе, а въ передней помѣщался я и мой аккомпаниаторъ, панъ Лашекъ, чехъ, который уже путешествуетъ со мною около шести лѣтъ по Россіи и все удивляется, что ей нѣтъ конца, что все ему приходится посѣщать новые и новые города и мѣстности. Да, дѣйствительно, велика и обильна наша матушка, Русь святая. Ночь провели мы убійственно. Въ сосѣдней комнатѣ ребятишки, а ихъ было, кажется, трое, то и дѣло пищали и орали и положительно не давали намъ спать. Къ сожалѣнію, мы свои мѣста въ экипажѣ уступили нашимъ дамамъ, которыя прекрасно предавались Морфею. Отступленія намъ не было, спать было невозможно и мы съ чехомъ затѣяли политическій разговоръ, что мы часто съ нимъ дѣлаемъ, такъ какъ онъ большой политикъ, читаетъ постоянно въ газетахъ политическій отдѣлъ, дѣлаетъ на поляхъ свои помѣтки карандашемъ и присылаетъ ко мнѣ на разсмотрѣніе. Часто мы съ нимъ толкуемъ о славянскомъ вопросѣ, о будущности великаго славянскаго народа, дѣлимъ Европу по нашему усмотрѣнію — однимъ словомъ, составляемъ новую карту европейскихъ владѣній. Благодаря его благородію и его безпокойному благородному потомству, не дававшему намъ спать, мы были не особенно въ духѣ и могли-бы раздѣлить Европу болѣе выгодно для нашихъ враговъ, чѣмъ для самихъ, такъ какъ мы были озлоблены въ данную минуту противъ нашихъ соотечественниковъ, вслѣдствіе безпокойнаго сосѣдства одного изъ нихъ. Мы же, артисты, народъ нервный, всегда находимся подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ и легко можемъ погрѣшить пока не успокоимъ свои нервы. Я всталъ, придвинулъ свѣчку и началъ читать брошюрку соч. подполковника Громбчевскаго подъ заглавіемъ: «Наши интересы на Памирѣ, военно-политическій очеркъ». Прочитавъ нѣсколько страницъ и видя, что мой чехъ кричитъ и ворочается съ боку на бокъ, покуривая свою зловонную сигару, я завелъ съ нимъ разговоръ о Памирѣ, тѣмъ болѣе, что это здѣсь въ краѣ самый жгучій и животрепещущій вопросъ. «Да, какой огромный промахъ сдѣлали русскіе, сказалъ г. Лашекъ, что тотчасъ-же послѣ присоединенія кокандскаго ханства къ Россіи не позаботились обойти и обозначить свои границы. Выходитъ, что теперь надо съ оружіемъ въ рукахъ идти и брать то, что принадлежало имъ безспорно, такъ какъ Памиръ составлялъ часть владѣній кокандскаго ханства». Мнѣ рассказывалъ одинъ полковникъ въ Ташкентѣ всю странную исторію Памира послѣ занятія нами вновь присоединеннаго ханства кокандскаго. Г. Кашгаръ также принадлежалъ ханству и китайцы, видя, что никто изъ русскихъ не занимаетъ его, никто и не показывается въ немъ, подождали годъ, другой да и послали занять его. Первымъ дѣломъ они объявили своимъ новымъ подданнымъ,

что если кто изъ нихъ пожелаетъ занять какое-либо мѣсто по администраціи, то долженъ прежде всего хотя по виду сдѣлаться китайцемъ: отпустить косу, надѣть китайскую одежду и т. п. Конечно, охотниковъ служить и имѣть власть нашлось не мало, а разъ туземцевъ одинъ, другой преобразился въ китайца и это даетъ ему извѣстныя выгоды — почему-же и другимъ не дѣлать того-же? Такъ постепенно и незамѣтно пойдетъ окитаеніе края. Полковникъ говорилъ мнѣ, что еще при прежнемъ начальникѣ туркестанскаго края границы были не выяснены и доведены только до перевала Узъ-Бель, какъ разъ только до Памира и что съ однимъ русскимъ путешественникомъ, посланнымъ отъ Импер. русск. геогр. общества описать Памиръ, случилось прекуръзное *qui pro quo*. Онъ получилъ выговоръ отъ начальника края за то, что перешелъ будто-бы нашу границу, тогда какъ это ему не было разрѣшено, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ только въ русскихъ владѣніяхъ и никто тогда опредѣленно не зналъ этого, думая, что граница наша въ такомъ-то мѣстѣ, тогда какъ она простиралась на сотни верстъ далѣе вглубь. Въ прошломъ году полковникъ Іоновъ, съ отрядомъ изъ охотниковъ, обошелъ границы на Памирѣ того, что досталось Россіи въ наслѣдство отъ кокандскихъ хановъ и что она считаетъ своимъ. Памиръ, крыша міра, сталъ извѣстенъ еще въ 1301 году и первый изъ европейцевъ, который далъ свѣдѣнія объ этой странѣ, лежащей на высотѣ 12.000 футовъ надъ уровнемъ моря, это былъ знаменитый итальянскій путешественникъ Марко Паоло. Памиръ, нищетъ полковникъ Громчевскій, съ прилегающими къ нему мѣстностями имѣютъ несомнѣнную важность для Россіи и не менѣе необходимо поддерживать дружественныя отношенія съ мелкими ханствами, расположенными на южныхъ склонахъ Гикдукуша. Между тѣмъ англичане двигаются впередъ по всей линіи и двигаются систематически, по строго обдуманному плану. Если имъ удастся добиться раздѣленія Памира, то въ рукахъ афганцевъ, или, вѣрнѣе, англичанъ, окажутся не только всѣ дороги чрезъ Памиръ, но и сами они очутятся всего въ одномъ переходѣ отъ озера Большаго-Кара-Куля, и въ двухъ отъ долины Большаго Алая. Такое близкое соседство съ Ферганскою областью, такъ недавно еще присоединенной и содержащей столь много горючаго матеріала, врядъ-ли удобно. Достоверно извѣстно, что всѣ афганскіе торговцы, проживающіе въ Ферганѣ, обязаны доставлять срочныя свѣдѣнія о передвиженіи войскъ и о дѣйствіяхъ русскихъ властей. Наконецъ, если дороги чрезъ Памиръ теперь удобны для движенія нашего въ Индію, то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ будутъ еще удобнѣе очутившись въ рукахъ англичанъ, для движенія въ наши владѣнія и помогутъ осложнить наше положеніе въ самую критическую минуту, когда намъ можетъ понадобится напряженіе всѣхъ силъ нашихъ въ Азіи. Поэтому ради собственнаго спокойствія и поддержанія престижа Россіи, доставшагося намъ такою дорогою цѣною, казалось-бы необходимымъ остановить англичанъ и дать имъ соотвѣтствующій отпоръ, для чего лучшимъ средствомъ было-бы приступить къ немедленному разграниченію съ Китаемъ, и если обстоятельства будутъ благоприятны, то и съ Афганистаномъ. Китайцы, захвативъ Памиръ, вла-

дѣютъ ими номинально, выгоды никакихъ не извлекаютъ, а потому врядъ-ли теперь можно ожидать серьезнаго дипломатическаго протеста при предъ-явленіи правъ своихъ на Памиръ. «А вотъ, позвольте, Дмит. Алекс., — перебилъ меня чехъ, — мнѣ сказывалъ полковникъ, что Юновъ въ прош-ломъ году, во время своего путешествія на Памиръ, тамъ встрѣтилъ двухъ англійскихъ офицеровъ съ небольшимъ конвоемъ и предложилъ имъ убраться вонъ изъ нашихъ владѣній. Лейтенантъ Девисонъ согласился и далъ слово полковнику вернуться назадъ, а другой офицеръ, капитанъ Юнгъ-Юзъ-Бендъ заупрямился и былъ арестованъ полковникомъ Юновымъ и доставленъ въ Анджианъ или Маргеланъ — не помню хорошенько. Тамъ русское общество его чествовало и угощало, а правительство поспѣшило выпроводить его поскорѣе по заказп. воен. жел. дорогѣ въ Европу. Впрочемъ, капитанъ Юнгъ-Юзъ-Бендъ не остался въ проигрышѣ: онъ изслѣдовалъ путь на Памиръ со стороны Индіи, а сами русскіе провели его по другому пути въ русскія владѣнія — Фергану, что и слѣдовало доказать». Разговаривая такимъ образомъ, передавая другъ другу слышанное нами въ Ташкентѣ и также о томъ, что китайцы будто-бы построили крѣпость на Памирѣ, что афганцы показываются тамъ уже значительными отрядами, что со стороны Россіи посылаются туда охотники и чуть-ли не снаряжается экспедиція съ порядочнымъ числомъ войскъ и т. д., мы не замѣтили, какъ прошло время и заспанный нашъ сосѣдь выльзъ изъ комнаты, направляясь къ старостѣ, чтобы приказать сперва подать самоваръ, а потомъ и запрягать лошадей. Надо было имѣть много терпѣнія, чтобы хладнокровно смотрѣть на все безобразіе, продѣлываемое его благородіемъ. Какъ они изволили умываться, умывать дѣтей, чуть-ли не дѣлать имъ ванну, потомъ чаепитіе продолжалось болѣе часа, укладываніе, усаживаніе и т. п. — а намъ все приходилось ждать да ждать, потому что его благородіе фхалъ «по казенной надобности». Пришлось двинуться и намъ сзади его благородія, которое не спѣшило, останавливалось дорогою чуть-ли не каждыя двѣ-три версты, выходило изъ экипажа, осматривало, перевязывало вмѣстѣ съ несчастнымъ солдатикомъ, который торчалъ на козлахъ и котораго ея благородіе частенько-таки бранила. Думалъ-ли бѣдный солдатикъ, что, идя на службу Царю-Батюшкѣ, онъ будетъ служить какой-то ея благородію и нянчить и подмывать ея дѣтей, да выслушивать постоянно ея брань, а можетъ быть и погасовку получать. Проѣзжая кишлакъ (селеніе), тарантасъ нашего мучителя остановился и — о, ужасъ! — сама барыня пошла на базаръ заку-пать провизию. Приходилось ждать еще болѣе часа; терпѣніе лопалось, я было къ своему ямщику обратился съ приказаніемъ фхатъ впередъ, — не тутъ-то было, ни за что, строго запрещено обгонять тройку «по казен-ной надобности». Что тутъ дѣлать? — я къ самому помилосердуйте! я спѣшу, мнѣ нужно, а вы точно нарочно задерживаете, у меня дѣла, концерты назначены, я опоздаю и т. п. — ничто не помогло. Его благородіе справилъ свои дѣла и повезъ свой домъ-тарантасъ съ полнымъ хозяйствомъ такимъ-же порядкомъ, т. е. останавливаясь, поправляясь, перевязываясь и т. п. Въ счастью нашему, на слѣдующихъ станціяхъ онъ почему-то отсталъ отъ

насъ, видно, стало стыдно, и мы поѣхали безъ задержекъ. На послѣдней станціи въ Кокандѣ насъ встрѣтило цѣлое общество и въ экипажахъ и верхами; тутъ были и джигиты, и верховые полицейскіе — словомъ, парадная встрѣча подъ предводительствомъ г. Гофмана, чеха по рожденію, инженера, который въ Ферганѣ построилъ уже болѣе 12 хлопковыхъ заводовъ, а теперь хлопочетъ о разрѣшеніи на открытіе пароводнаго движенія по Сыръ-Дарьѣ отъ Намангана до Ходжента. Г. Гофманъ — это замѣчательной энергіи человекъ, незнающій усталости. Ему проѣхать въ сутки 150 — 200 верстъ верхомъ — ничего не значить. У него чудный конь, рыжій «Кара-байръ», такой-же неутомимый, какъ и самъ его хозяинъ. Намъ предложенъ былъ на воздухѣ завтракъ съ шампанскимъ, завершившійся разными рѣчами и криками «ура»!.. При въѣздѣ въ г. Кокандъ я былъ встрѣченъ сартовскими властями и множествомъ верховыхъ; въ городѣ, казалось, все населеніе высыпало на улицы и выстроилось шпалерами, раскланиваясь съ нами, подхвативъ свой животъ обѣими руками точно такъ, какъ это дѣлается невольно при сильныхъ боляхъ въ желудкѣ. Мнѣ съ дочерью и пѣвицами была отведена квартира въ офицерскомъ собраніи со столомъ и со всѣми удобствами для полного отдыха послѣ довольно трудной и утомительной дороги. Пѣвчихъ разобрали на частныя квартиры. На другой день послѣ нашего пріѣзда назначенъ былъ 1-й концертъ мой въ залѣ офицерскаго-же собранія и я узналъ, что всѣ билеты были уже проданы.

(«Кіевское Слово»).

Аргентина, ея естественныя богатства, торговля и торговая статистика.

Аргентина — одна изъ первыхъ республикъ Южной Америки, начавшая очень быстро расти и достигшая въ короткое время цвѣтущаго состоянія. До 1882 года страну разоряли войны и внутреннія смуты; начиная-же съ того времени, когда смуты прекратились, Аргентина снова оправилась. Особенно быстро развилась торговля, достигшая уже теперь колоссальныхъ размѣровъ. Этому надо особенно удивляться, если принять во вниманіе незначительное количество народонаселенія (5 миллионъ) Аргентины, занимающей почти 40 милл. англійскихъ квадр. миль. Вѣроятно, еще болѣе цвѣтущаго состоянія торговля достигла-бы при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, при большей наличности рабочихъ рукъ.

Между различными отраслями занятій жителей Аргентины первое мѣсто